

Красота спасет мир

С.В. Колодиева

Мексика — жизнь и легенды

*Выставка в Музее
имени Н.К. Рериха*

Мексика — магическая, загадочная страна, колыбель величайших цивилизаций — майя и ацтеков и других индейских народов, которые оставили глубокий след в истории человечества. Мексика — это потрясающие по своей красоте пейзажи, буйная тропическая растительность, окутанные тайной легенды и обряды, это самобытная история и древние художественные традиции, получившие новую жизнь в творчестве современных мексиканских мастеров. Впитав в себя лучшее из богатейшего наследия страны, они хранят прошлое, обогащая его достижениями настоящего.

Современное прикладное и изобразительное искусство Мексики было представлено в июле — сентябре 2010 года на выставке «Мексика — жизнь и легенды», организованной компанией «Мексиканский клуб» в Музее имени Н.К. Рериха. Посетители выставки увидели также копии археологических предметов искусства майя и ацтеков и познакомились с информативными материалами об истории культуры Мексики. Картины, скульптуры, фотогра-

Камень Солнца

фии вместе создали цельный образ удивительной, волшебной страны.

Впечатляющий экспонат выставки – уникальные шахматы ручной работы. Стол и 24 фигуры, короли, королевы, пешки, слоны и т.д., выполнены из двух тонн минерала вулканического про-

исхождения, черного и красного обсидиана. Этот камень считается мужским, контакт с ним развивает решительность, целеустремленность и силу воли. На изготовление фигур ушло 50 кг чистого серебра, они украшены позолотой и драгоценными камнями. На их создание потребовался год напряженной, кропотливой работы десятков талантливых мастеров. Каждый из них – виртуоз своего дела: одно неверное движение, и выточенная из обсидиана фигура (ее вес колеблется от 1 до 6 кг) безнадежно испорчена. Представленные в экспозиции шахматы – не только единственный в мире предмет искусства такого рода, но и произведение, которое обладает глубоким символическим значением.

Игра в шахматы считалась преимущественно царской привилегией – накануне решающих сражений властители узнавали в ходе шахматного поединка привычки, нрав и психологию противника, оттачивая в процессе игры мастерство тактики и стратегии, предугадывая возможные замыслы врага и направление его действий. Шахматы – символ силы и величия человеческого духа, победы над низменными, сиюминутными страстями и желаниями. Массивный черный шахматный стол стоит на четырех приземистых, почти кубических опорах, украшенных предельно обобщен-

ными изображениями воинов-индейцев. По углам – рельефные позолоченные маски ягуаров (символа власти). Ягуары, натягивающие тетиву лука, есть и среди стоящих по обе стороны шахматной доски фигур. Мужественные, отличающиеся крепкой мускулатурой люди (майянского и ацтекского типа) спокойны и решительны, на лицах воинов – выражение непреходящей отваги и уверенности в победе. Резкие, четкие линии, уверенные, концентрированные движения, жесткие, твердые очертания – все создает ощущение значительности и величия происходящего. Внешне фигуры кажутся абсолютно бесстрастными, но в воздухе витает напряжение – еще секунда, и воины начнут сражение, смертельно рана врагов острыми отравленными стрелами.

Фоном для шахмат служили фотографии – величественные силуэты древних построек. Высокие крепостные стены окружают один из культурных и политических центров майя – комплекс Ушмалля; поднимается к небу чудо света – 24-метровая ступенчатая пирамида Кукулькана в г. Чичен-Ица. Здесь, на полуострове Юкатан на юге Мексики, ежегодно в дни осеннего и весеннего равноденствия можно наблюдать снисхождение одного из трех главных божеств, бога-творца мира, создателя человека и культуры, покровителя жречества и науки Кецалькоатля – Пернатого Змея, – когда на одну из лестниц падает тень от ступенчатых ребер пирамиды, кажется, что по ней ползет змея. Там же – развалины большого храмового комплекса Паленке, майянского города III–VIII веков, который располагался некогда на северо-востоке нынешнего мексиканского штата Чиapas...

Каждую из фотографий сопровождала аннотация с интересными фактами из истории, мифологии и этнографии страны. Зрители могли прочитать, например, о напоминающей современный теннис древней майянской игре, в процессе которой противники пытаются подать мяч так, чтобы оппонент или ошибся, или совсем его не отбил; или рассказ о том, как появилась на свет ваниль (индейцы называли ее «нектаром богов»), или миф о сотворении мира, легенды «Лесной голубь», «Печаль майя», легенду гватемальских индейцев «Танец с початками» и т.д.

Отдельный зал был посвящен главным древним индейским культурам – майя и ацтекам – и Мексике сегодняшнего дня. Посетители выставки узнали много нового и интересного об ацтеках, искусных ремесленниках, строителях, ученых, обладающих познаниями в астрономии и математике, которые опередили европейскую науку на много столетий вперед. Майя, цивилизация Центральной Амери-

◀ Шахматы. Обсидиан, серебро

Один из четырех Атлантов. Тула, Мексика ▶

ки, известна благодаря своей математической системе, искусству, архитектуре, развитой политеистической (боги, как и люди, смертны) религии, календарю и иероглифической письменности.

Среди предметов искусства Мексики несомненный интерес представляли копии декоративно-прикладных памятников древних индейских цивилизаций – керамические вазы и блюда с религиозными и мифологическими сюжетами, мелкая пластика, стилизованные антропоморфные изображения богов и представителей разных майянских сословий – ремесленников, жрецов, воинов, правителей. Некоторые из работ – сидящий прямо, непоколебимо, как скала, с устремленным вдаль взором воин, скульптурный портрет крупноносого, остроскулого, замысловато причесанного правителя Баакульского царства майя, небольшие фигурки индейцев, весело переговаривающихся, занятых домашними делами (приготовлением пищи, кормлением ребенка), – предельно реалистичны и конкретны; другие наделены фантастическими, гротескными, преувеличенно угрожающими чертами.

Копии древних vaz из Оахаки были найдены на территории Митлы, одного из древнейших культурно-политических центров племени Сапотекки на юге Мексики. На основании в виде погруженного в медитацию человека со скрещенными крест-накрест ногами и поднятыми тыльной стороной вверх ладонями покоится массивное,

Ваза «Пернатый Змей»

изрезанное пышными, почти барочными узорами тулово сосуда. Другая ваза, «Пернатый Змей», является репликой вазы археологического комплекса Толлан: стоящее на четырех ножках круглое тулово с двумя сливами-отверстиями испещрено замысловатым рисунком, сценами из мифа о Пернатом Змее, странном гибриде змея и райской птицы.

Фантастичность и антропоморфность – главные черты в изображении многочисленных индейских богов. Здесь множество разнообразных деталей, пластические образы богов наделены соответствующими атрибутами, отдельные части лица и тела резко преувеличены или преуменьшены. Скульптурные изображения выглядят могущественными грозными силами – у них жестокие лица, с чуть приоткрытым ртом и широко распахнутыми или плотно закрытыми глазами; они излучают нечеловеческую мощь и энергию. Хозяин дождя и ветра направляет воду и ветер на помощь людям («Бог Чаак»), экспресси-

Майянские фигурки

Стелла. Калакмуль ▶

Бог Чаак
Шипетотек-водонос

вен «Шипетотек-водонос», мистический бог сельского хозяйства, весеннего сева, весны и времен года; выразителен бог знаний, создатель медицины, письменности и календаря «Итцманна».

На одной из витрин – целый исторический пласт, эпоха правления диктатора Порфирио Диаса (1876–1911), когда на частных асьендах землевладельцев батраки трудились за еду и предметы первой необходимости. Красноречивое свидетельство времени – прямоугольные, круглые, в виде фигурок медные монеты с надписями – за день заготовки дров, для покупки кукурузы и т.д., – такой была система оплаты за трудодень. Указанный на монетах «товар» можно было купить только в магазинах и лавочках «лас райяс», которые специально существовали для того, чтобы хозяева асьенды держали работников «на привязи».

Альбрихе ▶

Украшением выставки были популярные сейчас в Мексике скульптуры «Альбрихе» – диковинные фигурки невиданных чудищ из папье-маше. Мексиканский скульптор и художник Педро Линарес получил признание после того, как стал создавать увиденных во сне чудищ и страшилищ. Такие картонные чудовища по традиции символически сжигали во время Страстной недели, но еще никто никогда не делал монстров такими причудливыми – это раскрашенные в яркие,

Шелк с этническим рисунком народа Уичоли

сочные цвета тела невероятных форм, со странными плавниками, ушами, рогами и зубами. Поверхность «скульптур» Линарес покрывал замысловатым ковром из диковинных цветов, чешуек, точек и других мелких деталей. «Альбрихе» на выставке совсем не казались страшными или отталкивающими, напротив, они выглядели милыми и добродушными существами. Расписанные упорядоченными в строгие орнаментальные ряды квадратиками, треугольничками и кружочками, эти дракончики и «гиены» так или иначе имеют сходство с реальными прототипами – изготовившейся к прыжку игуаной, задумчивыми, нежащимися на солнце кошечками, приткными, изворотливыми ящерицами...

Фантазмагорично выглядели и «психоделические», обращенные к непознанным глубинам че-

ловеческого духа картины на шелке. Упорядоченностью, целокупностью и симметричностью композиции они напоминали тибетские мандалы. Мексиканские картины на шелке – это бьющая через край, неукротимая, радостная энергия жизни, полнокровная цветовая палитра. Это обилие персонажей и орнаментов народного мексиканского искусства и искусства доколумбовых цивилизаций Америки – мифические и сказочные существа, боги, люди и звери плотно населяют изображение, создавая ощущение другой реальности. Причудливая вязь серо-голубого орнамента на пылающем алом фоне; символическое изображение пяти главных майяских эпох – «солнц» – в виде расположенных на нежно-сиреновом фоне солнечных дисков, четыре потухших, бледных солнца, вписанных в ро-

Голубая агава, из которой делают текилу

рода: птицы, звери, горы, вулканы, пустыня, океанские бухты и просторы («Парус», «Арка», «Зеленая вода», «Сафари в пустыне», «Дневной охотник», «В поисках тени», «Игуана», «Вулкан Попокатепетль»), а также католические и светские архитектурные памятники («Вид ночного собора», «Часовня в пустыне», «Дворец изящных искусств»).

Лицо Мексики сегодняшнего дня прекрасно и неповторимо. Неповторимы и прекрасны уникальные памятники, мифы, легенды и предания. Прошлое и настоящее страны тесно взаимодействуют в искусстве современных мексиканских художников, одно невозможно представить без другого. В этом многозначная символика выставки.

зово-оранжевый квадрат, «собираются» воедино центральным, самым ярким и четким пятым солнцем с грустным женским лицом; закручиваются в спирали «бисерные», похожие на ниточку цветных бусин галактики...

Дополняли картины на шелке не менее красочные, нарядные «Панно Уичоли» – небольшие орнаментальные композиции из шерстяных нитей. Расправившая крылья оранжевая птица в цветочных зарослях; оленица, над ними похожее на ладью существо, на которое сверху опускаются щитообразные желтые цветы, и др. Уичоли, «настоящие люди», – это народ в Западной и Центральной Мексике, обладающий высоко развитыми традициями и навыками ткачества, вышивки, бисерного рукоделия, узорного плетения, росписи и выделки кожи.

На фотографиях мы увидели природный и животный мир страны, жизнь мексиканцев без прикрас, такой, какая она есть. Довольные, улыбающиеся смуглые люди в национальных костюмах, дети и взрослые; они срезают голубую агаву, из которой изготавливают знаменитую текилу, самозабвенно и увлеченно исполняют народную музыку («Химадор»). На лицо задумчивого, углубленного в себя исполнителя «Серенады» с огромной гитарой падает тень от широкополой шляпы-сомбреро; прелестная мексиканская девочка с глазами лани прижимает к груди украшенную пестрыми ленточками куклу-скелет в атласном платье и в нарядной шляпке – непременный атрибут традиционного мексиканского праздника «День мертвых». Необычайно богата и разнообразна запечатленная на снимках при-

Серенада

◀ Церковь в Толуке

Ольга Троицкая

Credendo vides: уверовав, увидишь...

Выставка Сергея Кузнецова

...Восприятие наших картин должно идти не путем рассудочно-формального анализа, а путем вчувствования и внутреннего сопереживания – тогда их мысль будет достигнута.

Из Манифеста «Амаравеллы». 1927

Космизм как направление в живописи возник в 20-х годах прошлого века в России, начало новому течению положило творческое объединение художников «Амаравелла»¹. Оно просуществовало недолго, а его создатели, называвшие себя интуитивистами, поплатились творческой и личной свободой за несоответствие их философской позиции идеологии социалистического строительства.

Сегодня русский космизм как художественное олицетворение нового космического мировоззрения возрождается и крепнет, в нем появились признанные имена. Один из наиболее заметных художников, работающих в этом жанре, – Сергей Кузнецов. В июне в Международном Центре Рерихов проходила его персональная выставка, вторая в этих стенах². Выставка называлась «Сотворчество», поскольку художник всегда делает важную для него оговорку: его жена, также художница, – идейный соавтор Сергея. Кстати, потому он и картины свои подписывает: «С. Кузнецов – Н», где «Н» – первая буква ее имени Надежда.

Если давать общее определение творчеству Сергея Кузнецова, то главным, наверное, будет его невероятная и воистину космическая поэтичность. Она и в избранной им радужной, с преобладанием золота и небесной синевы палитре, и в сюжете. Тютчев написал когда-то: «Как бы эфирною струею по жилам небо протекло». На холстах художника течение небесного эфира, омывающее географически

¹ «Амаравелла» (Amaravella, санскр. – «ростки бессмертия»), второе название группы – «Космисты». В объединение входили А.П. Сардан (Баранов; 1901–1974), Б.А. Смирнов-Русецкий (1905–1993), П.П. Фатеев (1892–1971), С.И. ШигOLEV (1895–1942?), В.Т. Черноволенько (1900–1972) и В.Н. Пшесецкая (Руна; 1879–1945/46?).

² Подробнее о биографии художника см.: Троицкая О.В. Благодать шестого чувства // Культура и время. 2007. № 1.

Течение времени. 1998 ▶

Дыхание Земли. 1997

точный земной ландшафт, выявляет его причастность Вечности Космоса: за земным небом угадывается стратосферная насыщенная синева, а за ней – глубокая, иссиня-черная Вселенная, – здесь надо всем колыхается тонкая, то голубовато-золотистая, то золотисто-розовая кисея. Она облакает материальное пространство, символизируя *духовную сущность* вещественного мира. Ее невозможно увидеть, не уверовав как минимум в то, что все в мире, включая землю, по которой ступает человек, этой сущностью обладает.

В картине «Дыхание Земли» из цикла «Хрусталь природы» соединены все главные черты земного рельефа – горы, озера, долины, реки; золотистая эманация возносится от них к небу, воссоединяясь с почти такой же, но с голубоватыми и лиловыми штрихами, изливающейся с небес. Кажется, Земля вдыхает Космос, и выдох ее уносится далеко за пределы, по пути перемешиваясь с дыханием внеземного пространства. Работа «Течение времени» из того же цикла представляет зрителю гористый остроконечный ландшафт, видимый как бы с более высокой точки, над которым плывет меняющий тона, сворачивающийся в круги и мягкие спирали поток. Зазубренная

линия узких хребтов вторит этому движению, тянется за ним, сообщая изображению спиральную динамику. Горы для человека всегда были одним из главных символов Вечности не только потому, что их жизнь исчисляется миллионами лет. Поднявшись *туда*, человек приближается к великому Пространству, где само летоисчисление теряет смысл. Художник видит это, знает и в это верит, оттого его полотна производят завораживающее впечатление.

Самое удивительное, что все это выглядит мистериально, но не кажется *ирреальным!* В совершенно сказочной картине достоверность пейзажа и космичность небес безусловно сопоставимы. И это одно из свойств, объединяющих все написанное художником. Эфирная дымка «Запредельного мира» рассеялась над земным пространством; храмы, разбросанные по земным весям, сотканы из света, и, как огни святого Эльма, сияют на куполах сферические звезды. Прекрасные строения рождаются из нисходящих узких потоков, и вся небесная картина предстает как система сводов под большим куполом, который увиден за рамку холста, предлагая *подозревать* о себе, как о чем-то запредельном...

Цикл «Шахматы» – особый; изобразительная притча о шахматном сражении рассказана художником в стилистической манере, близкой к театрально-декоративной. Для Сергея Кузнецова шахматная драма – аллегория войны.

...Бой на шахматной доске внешне индифферентен. Но – *a la guerre comme a la guerre* – все фигуры вступают в сражение по правилам, которыми предусмотрены последствия, где условности шахматной битвы, выведенные на всамделишный план, оборачиваются трагическими результатами реальных баталий. В чем смысл сражения, спрашивает художник в картине «Противостояние». Неужели только в обретении власти над некоторым количеством шахматных клеток? Короли сошлись лицом к лицу. Один смотрит из темноты черных линий, другой – из области света. За ними схлестнулись искривленные клетки поля битвы, у ног непримиримых властителей в предсмертном хрипе вздымают головы королевские кони, падают в бездну пешки, отработавшие свой срок.

Сон Черной Королевы, «Несбывшееся», – тоже из ночных кошмаров. На поле вступает белая армия, горные хребты на границе двух королевств занимают зоревыми огнями, и поступь коня белого монарха уверена и величава. Конное

Противостояние. 1996

войско шагает по клеткам, которые, поднимаясь вверх, к горлу поверженной Королевы, образуют ее одеяние. А за откинутой в падении королевской спиной проваливаются в индиговую тьму. И все заканчивается «Ничьей», той самой горестной ничьей, которая никому не приносит удачи, поскольку все войны – суть войны *гражданские*. И если, поднимаясь до высоких обобщений, говорить о единстве человечества перед всеединством Универсума, то любую войну можно смело назвать гражданской, ибо она рвет в клочья судьбы и разделяет семьи, превращает старую дружбу в кровавую рознь, преступая никем не отмененную заповедь «Не убий», и, главное – совершенно бессмысленна, поскольку в ней – никогда! – не бывает победителей.

Кузнецов часто ездит на Восток – в Индию, Непал. Тибет и Гималаи, однажды притянувшие человека своим

◀ Несбывшееся. 1997

Ангел-Хранитель. 2009

святым величием, уже никогда не отпустят – особенно художника, точно чувствующего *место силы*. Полотно «Небес и Земли святыни» родилось из ассоциаций, навеянных визитом в королевства Сикким и Непал. Пейзаж обобщен, но довольно близко к истинному передает характер ландшафта. Храмы предгорий, их вытянутый к небу верх и округлые линии стен также архитектурно достоверны. Но сквозь реалии земного, чувственного пространства вновь эманурует святость, *духовная сущность вещей*: образы переднего плана размыты, храмовые купола облечены вибрирующим свечением. Как свидетели иномирия, пристально глядят на зрителя голубые глаза божества на ступе, частично скрытой за обрезом холста, что символически делает присутствие божественного полузримым, а надо всем сияет золотом храм нерукотворный – горный пик как собирательный образ гималайских

Небес и Земли святыни. 2009 ▶

вершин, навеянный художнику впечатлением от созерцания священной горы Канченджанга.

«Литургия света» – череда прозрачных, воздушных образов, выполненных в тонах речной зелени, закатного солнца, стратосферной глубокой синевы, серебряного и золотого. На воспевание своего Творца собрались небесные тела и мягко сияющие звезды; то ли облака, то ли летающие острова плывут над гладью озера, над землей, принявшей совершенно фантастический вид. Течение энергий в общей молитве Неба и Земли становится видимым, но световые потоки, как всегда, если художник изображает движение энергий, не хаотичны, а подчинены общему величественному ритму. Из этих потоков вырастают людские фигуры – очевидно, святые души, присутствующие здесь и участвующие в общем хоре. Глядя на «Литургию света», если быть достаточно терпеливым, можно *услышать* удивительный распев, где пению световых потоков внимают светила, люди, вода и суша – все сущее, очищенное от тлена.

Еще одна картина, около которой хочется задержаться, – «Ангел-Хранитель». Ангел со свечой написан в свойственных художнику мягких тонах, с преобладанием зеленоватого. Лик его скорбен. Над высокой свечой – немерцающее ровное пламя. Фигура сохраняет движение в четверть

оборота, как будто призывает следовать за светом в ее руке, рассеивающим мглу, а в памяти всплывает блоковское: «Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле, / Во мгле, что со мною всегда на земле...»

Таинство творчества состоит в том, что без личной убежденности в бытийной яви его плодов невозможно их художественное олицетворение. Лишь горчичное зерно безусловной веры позволит ощутить обратную связь с неведомым и запечатлеть его. Физически оно невидимо, но сущее всегда содержит *нечто*, что остается за кадром, вне слов. Об этом пишет о. Павел Флоренский: «...духовная сущность вещи определяется как в и д, эйдос, а не слух, запах и пр.»³.

Работы Сергея Кузнецова трогают, завораживают, но самое главное – они убедительны, по-

Литургия света. 2009

тому что – *credendo vides!* – нет ничего крепче веры во всемирную одухотворенность: она открывает очи внутренние. И тот художник, который обладает этим зрением, увидит гармонию и противоречия сущего и воплотит эту космическую полноту с помощью «материальных причин»⁴ творчества: холста, кистей и красок.

³ Флоренский П.А. Иконостас. М.: Искусство, 1994. С. 143.

⁴ Там же. С. 95.

